

Сюжеты и судьбы

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

«Повесть слишком многословна»: М. Горький и несостоявшийся писатель Марк Волгин (сюжет романа «Эмигранты» и судьба его автора)

Елена Викторовна Кудрина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Аннотация

В Архиве Горького ИМЛИ РАН были обнаружены письма начинающей писательницы Ольги Николаевны Никифоровой и ее матери, Людмилы Алексеевны Никифоровой, М. Горькому, в которых они просили писателя прочитать рукопись «Эмигранты», подписанную псевдонимом Марк Волгин, дать рецензию и помочь в издании романа. Рукопись была отправлена Горькому Харбинским генеральным консульством с дипломатической почтой в июле-августе 1935 г., Горький с ней ознакомился и написал в октябре ответ в Харбин, однако к тому моменту мать с дочерью уже находились в Ленинграде. Письмо Горького о романе достигло адресатов только в начале 1936 г. О содержании романа мы узнаём из писем Л. А. и О. Никифоровых и письма заместителя наркома иностранных дел Б. С. Стомонякова, отправленных Горькому. В «остроагитационном» романе Марка Волгина была «изображена вся суть эмигрантского бытия». Роман заинтересовал Генерального консула Харбина М. М. Славуцкого, сотрудников Наркомата иностранных дел и Горького, который посоветовал Никифоровой еще серьезно над ним поработать. Рукопись романа «Эмигранты» в Архиве Горького не сохранилась, поскольку была возвращена автору. Судьба еще двух экземпляров рукописи неизвестна. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся письма корреспондентов М. Горького.

Ключевые слова

М. Горький, Л. А. Никифорова, О. Н. Никифорова, Марк Волгин, эмигранты, Харбин

Для цитирования

Кудрина Е. В. «Повесть слишком многословна»: М. Горький и несостоявшийся писатель Марк Волгин (сюжет романа «Эмигранты» и судьба его автора) // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 116–128. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

© Кудрина Е. В., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 116–128

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 116–128

**“The story is too wordy”:
M. Gorky and the Failed Writer Mark Volgin
(The Plot of the Novel “Emigrants” and the Fate of Its Author)**

Elena V. Kudrina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Abstract

The article is devoted to the plot of Mark Volgin’s novel “Emigrants”. Letters of the writer Olga Nikolaevna Nikiforova and her mother, Lyudmila Alekseevna Nikiforova, to M. Gorky were found in the Gorky Archive of the Institute of World Literature. They asked the writer to read the manuscript “Emigrants” signed with the pseudonym Mark Volgin and give a review. The manuscript was sent from Harbin in July-August 1935. Gorky read the novel and wrote an answer in October. Gorky’s letter about the novel reached the addressees only in early 1936. We learn about the content of the novel from the letters of L. A. and O. Nikiforov and the letter of the Deputy People’s Commissar of Foreign Affairs B. S. Stomonyakov. Mark Volgin’s political novel depicted the whole essence of emigrant life. The novel interested the Harbin Consul M. M. Slavutsky and M. Gorky. Gorky advised Nikiforova to work on it seriously. The manuscript of the novel “Emigrants” has not been preserved in Gorky’s Archive. The fate of two more copies of the manuscript is unknown. New, previously unpublished letters of Gorky’s correspondents are being introduced into scientific circulation.

Keywords

M. Gorky, L. A. Nikiforova, O. N. Nikiforova, Mark Volgin, emigrants, Harbin

For citation

Kudrina E. V. “The story is too wordy”: M. Gorky and the Failed Writer Mark Volgin (The Plot of the Novel “Emigrants” and the Fate of Its Author). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 116–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

31 мая 1935 г. Людмила Алексеевна Никифорова пишет из Харбина М. Горькому письмо, в котором просит помочь напечатать роман своей дочери, Ольги Николаевны Никифоровой, «Эмигранты», подписанный псевдонимом Марк Волгин. Этот момент является отправной точкой нашего литературоведческого и исторического исследования, посвященного сюжету романа и трагической судьбе его автора.

Людмила Алексеевна Никифорова (урожд. Грехнева; псевд. Л. Ни-ва; Л. Н.; Л. Н-а; П-ро и др.¹) – давняя знакомая Горького, автор повестей «Две лестницы» и «Артель», напечатанных в сборниках «Знания» (XXX и XXXIII, 1910), адресат

¹ Ошибочно в материалах к справочнику псевдонимов, составленных А. А. Хисамутдиновым [2017, с. 124], псевдоним Л. А. Никитин приписан Л. А. Никифоровой. Судя по ее эпистолярному наследию, сохранившемуся в Архиве Горького в ИМЛИ РАН, Людмила Алексеевна Никифорова не могла быть редактором шанхайских журналов «Гроза» и «Русский авангард» в 1936–1940 гг., поскольку вернулась в СССР в 1935 г.

его писем в 1909–1910 гг. [Горький, 2001, т. 7, п. 161, 196, 290, 310, 322, 344, 358; т. 8, п. 51, 85, 131], в июле-августе 1910 г. проживала на Капри у Горького. С 1913 г. жила сначала в Чите, потом на Дальнем Востоке. Работала в театре, публиковалась в литературно-художественном и сатирическом журнале «Рупор» и харбинском журнале «Рубеж», который играл важную роль в становлении и развитии дальневосточной русской литературы, а также с середины 1920-х гг. писала роман под названием «Горький дым», части которого посылала Горькому в 1930 г.

Дочь Людмилы Алексеевны – Ольга Николаевна Никифорова – родилась в 1909 г. в Санкт-Петербурге. С 1922 г. она проживала с матерью в Харбине. Работала учителем русского языка в китайской школе, журналистом в харбинской советской газете «Новости Востока», издававшейся в 1932–1935 гг. и посвященной достижениям советского строительства, и в уже упомянутом журнале «Рубеж».

Еще в 1930 г. Л. А. Никифорова писала Горькому, находящемуся в Италии, о своей жизни в эмиграции:

Я живу на маленькой глухой станции Кит.В.ж.д. Станция эта являет собой банку со скорпионами, которые давят, жалят и едят друг друга. А летом эта «банка» отодвигается на задворки, и станция преобразуется в фешенебельный курорт, куда разбогатевшая харбинская буржуазия ездит трясти лишний жир и лишние деньги. И когда в сияющем огнями курзале изо дня в день гремит джаз, разворачивается фокстрот и отвратительно-дрыгающий гарльстон, – то это зрелище наводит на грустные размышления. Не зависти, конечно, а размышлений на ту тему, что после великого, трагического урока Революции, – мир ничему не научился².

Бытовые зарисовки о жизни в Харбине и портреты его обитателей, оставленные Л. А. Никифоровой, несомненно, представляют краеведческий и исторический интерес, а также могут быть полезны исследователям, занимающимся литературой эмиграции. Так, например, Никифорова описывает местное население:

Здесь, как это ни странно, сохранилось чуть ли не крепостное право в форме отношения русской администрации к китайским рабочим. Вся администрация состоит членами профсоюзов и в то же время с удивительным цинизмом плюет на основные принципы этих же союзов (это предложение выделено Горьким при чтении красным карандашом. – Е. К.). А китайцы в общем, милый народ, – смиренный, работающий, удивительно нетребовательный и – я бы сказала, – приученный к подобию страсти. Они как-то не смеют и думать о том, что им присвоены все человеческие права, наряду с прочими. Слова нет, – теперь Китай поднимает голову, озирается с гневным возмущением на европейцев – культуртрегеров. Мелкие несправедливости по отношению к китайцам совершаются постоянно, хотя всё это – цветочки, по сравнению с тем, что творилось раньше³.

Еще одна фраза из этого письма Никифоровой была выделена Горьким при чтении:

² АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

³ Там же.

Такого дикого, беспросветного пьянства, как здесь, в захолустье, – мне нигде и никогда не приходилось видеть. В Рождество и в Пасху не найти трезвого человека на всей станции ⁴.

Письма Л. А. Никифоровой являются живым откликом на события, дают представление о жизни харбинской эмиграции и местного населения в 1920–1930-е гг. и составляют необходимый культурно-исторический фон, который имеет непосредственное отношение к сюжету романа, написанного Марком Волгиным ⁵.

Описывая свое уединенное существование в эмиграции и полную разобщенность с внешним миром, Людмила Алексеевна оставила краткую характеристику своей дочери:

По счастью, мы с дочерью – большие друзья. Ей сейчас 21 год. Жалко, что её лучшие годы проходят в таких условиях, но она – человек с большим характером и заставляет себя довольствоваться тем, что есть ⁶.

23 ноября 1933 г. Ольга Никифорова выслала Горькому свой первый роман «Ведь *должна* быть другая жизнь», написанный ею в эмиграции под псевдонимом Марк Волгин. Она так объясняла выбор нового имени в письме Горькому:

Решила выбрать мужской псевдоним, что, как мне кажется, внушает все-таки больше доверия. Псевдоним взят по названию самой прекрасной из русских рек ⁷.

Надо сказать, что псевдоним был не оригинален [Масанов, 1956, с. 247]. И здесь замена подлинного имени – скорее дань литературной традиции, чем желание автора скрыться за новым именем. Кроме этого прослеживается стремление автора подчеркнуть свою национально-культурную идентичность и, скорее всего, обратить внимание Горького на имя, заимствованное у его родной реки Волги.

Ольга Никифорова писала Горькому:

Здесь, в этом романе, изображена вся суть эмигрантского бытья: и развал семьи, и спекуляция на самых дорогих заветных чувствах, и театральная халтура, и продажность прессы, и операции с партизанскими отрядами, и всё растущее наркоманство, – всё это нашло отражение в романе.

Герой романа вступает в жизнь чистым, даже наивным юношей. Жизнь, сцепление обстоятельств втягивают его в омут. Отражая, по-моему, черты коллективного типа эпохи, герой пассивен и безличен перед натиском стихийных течений. У него

⁴ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

⁵ В докладе на Первом съезде советских писателей в 1934 г., посвященном эмигрантской литературе, писатель С. Г. Петров (Скиталец), несколько лет проживший в Харбине и вернувшийся в СССР, также обратил внимание на упадок и разложение в среде эмигрантов, на отсутствие эмигрантской художественной литературы в Харбине, на эмигрантскую молодежь, лишенную организационного влияния и оторванную от жизни. В заключение своей речи он признавал: «В самом деле кругом уныние, разложение, обывательщина. Бывшие капиталисты и генералы – авантюристы гражданской войны – впали в нищету духовную и материальную. Много спившихся, опустившихся, падших. Даже китайское население, воспитанное англичанами в священном страхе перед “белым человеком”, привыкшее считать его полубогом, презрительно относится к “белым эмигрантам”, когда видит “белых рабынь проституции” или “белых хамов”, пресмыкающихся перед ненавистным Китаю японским сапогом» [Первый Всесоюзный съезд..., 1934, с. 610].

⁶ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

⁷ Там же. КГ-пп/б-43-22-1.

Сюжеты и судьбы

нет силы бороться, нет устоев в себе, нет почвы под ногами. И когда он доходит до последних пределов отчаянья, в нем рождается смутная мысль, что не везде живут так, как здесь, что “должна же быть другая жизнь”. Такова канва романа ⁸.

Ответил ли Горький на это письмо, читал ли он первый роман Марка Волгина, неизвестно. Рукопись романа Ольги Никифоровой не найдена. Однако есть все основания предполагать, что первый роман – проба пера – был переработан автором и лег в основу нового романа Марка Волгина под названием «Эмигранты»: в письме 1935 г. Ольга Никифорова признавалась, что второй роман писала около пяти лет.

Итак, в мае 1935 г. Л. А. Никифорова сообщила Горькому о романе «Эмигранты»:

Вещь эта мне кажется яркой и убедительной. Основа его – моральное падение эмиграции. Герои – живые люди, причем дан синтез эпохи в лице героя, представляющего коллективный тип. Наряду с русским бытом, нарисован быт китайского простонародия. Вещь остро-агитационная, интересная для массового советского читателя ⁹.

Далее она обращалась к Горькому со словами:

...мы живем в полном разобщении с СССР по цензурным условиям. Мы не знаем, какие журналы имеются в СССР и куда можно обратиться. Поэтому я и позволяю себе беспокоить Вас ¹⁰.

Никифорова еще в письмах 1930 г. со станции Чжалантунь (в десяти часах езды от Харбина) сетовала на уродливую, нудную, тусклую жизнь, на то, что почтовое сообщение между станциями Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и СССР работает крайне плохо: не все бандероли и посылки принимались, принятые часто шли «восточным путем» через Шанхай и Гонконг, что занимало до двух месяцев. В буквальном смысле эмигранты были отрезаны от мира.

Л. А. Никифорова уточняла содержание романа дочери в следующем письме Горькому, отправленному в феврале 1936 г.:

Для дебютной вещи, роман написан ярко, сильно. Задуман широко – в виде большой трилогии. Часть I Юность, где герой – игрушка влияний среды и быта. Часть II Зрелые годы, когда его личность захватывает политика, особенно обостренная там, на Д<альнем> В<остоке>. Здесь, кроме обычного поединка капитализма с угнетенным кит<айским> пролетариатом, вводится еще интервенция, фашизм, в особом преломлении, в зависимости от местных условий... Часть III Герой попадает в СССР. Переживает обновление всего существа, познает новую веру, новую правду и право труда...

Желая успеха для дочери и интересуясь мнением Горького о романе, она в заключение писала:

...в этом романе поставлено на карту многое <...> И теперь наша судьба, наше будущее в Ваших руках... ¹¹.

⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/б-43-22-1.

⁹ Там же. КГ-п-53-18-16.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. КГ-п-53-18-17.

Одно чрезвычайно важное обстоятельство сыграло существенную роль в судьбе письма Людмилы Алексеевны от 31 мая 1935 г. и рукописи романа «Эмигранты». 25 сентября 1935 г. заместитель наркома иностранных дел СССР, курировавший дальневосточные дела, Борис Спиридонович Стомоняков пишет Горькому на бланке Наркомата по иностранным делам (НКВД) секретное письмо под номером 2510. Оно было обнаружено нами в Архиве Горького в ИМЛИ РАН. В этом документе он говорит не только о письме Л. А. Никифоровой для Горького и рукописи Марка Волгина, переданных в НКВД генконсулом М. М. Славуцким, но и вкратце пересказывает сюжет романа и дает ему оценку:

По мнению т. Славуцкого и товарищей, просматривавших роман в НКВД, он представляет «большую политическую ценность» ибо дает красочную и приближающуюся к действительности картину жизни и деятельности эмигрантов в Манчжурии. В романе, – по словам т. Славуцкого, – выведена разложившаяся и опустившаяся часть эмиграции, начиная от ее верхушки. В нем дана правильная картина нашедших банд Корнеева и Зыкова, под видом красных грабивших китайские селения и даже железнодорожные станции; в романе правильно обрисовывается жизнь, так называемых, литературных кругов эмиграции, а также и деятельность в пользу своего собственного кармана, так называемых, «благотворителей»¹².

Здесь же Б. С. Стомоняков подчеркнул особое отношение к женщинам генконсула Харбина:

Благодаря ходатайству за них т. Славуцкого¹³, мать и дочь Никифоровы приняты в советское гражданство и уже находятся в Иркутске. Они хотят ехать в Москву, где дочь Никифорова, под соответствующим руководством, смогла бы отредактировать свой роман. У нее, однако, как и у матери, нет денег и нет никого в Москве. Бесплатный проезд им обеспечен¹⁴.

И далее дипломат обращался к Горькому:

Если Вы считаете целесообразным издание романа Никифоровой, то может быть следовало бы получить для нее пособие от Госиздата и попробовать устроить ее в Москве¹⁵.

Ответ Горького в НКВД не найден. Запрос в Архив Внешней политики РФ не дал результатов.

«Ввиду цензурных интервенческих барьеров» три экземпляра рукописи романа Марка Волгина «Эмигранты» с сопроводительным отзывом генконсула М. М. Славуцкого были отправлены в СССР в июле-августе 1935 г. с дипломатической почтой через Наркоминдел. Судьба одной рукописи частично известна, судьба еще двух экземпляров пока остается загадкой.

25 сентября 1935 г. Горький получил рукопись романа «Эмигранты», прочитал его и спустя месяц – 29 октября 1935 г. – из Тессели (Крым) написал ответное письмо на имя Л. А. Никифоровой. По роковому стечению обстоятельств ответ

¹² АГ ИМЛИ РАН. КГ-од-2-26-6.

¹³ М. М. Славуцкий (1898–1943) – с 1931 по 1937 г. – генеральный консул СССР в Харбине. По воспоминаниям его дочери, отличался чуткостью и вниманием к людям [Славуцкая, 2002].

¹⁴ АГ ИМЛИ РАН. КГ-од-2-26-6.

¹⁵ Там же.

Горького достиг адресатов только весной 1936 г. Приведем письмо Горького полностью:

Рукопись повести получена мною 25.IX, ознакомиться с нею мог только сегодня.

Повесть слишком многословна, растянута и требует серьезной работы автора над нею. Требуется присутствие автора в Москве, о чем немедля буду хлопотать¹⁶.

Такой краткий, по сути официальный отзыв можно объяснить не только чрезмерной загруженностью писателя (помимо литературной и организаторской работы Горький ежедневно получал десятки писем), не только невозможностью дать подробный развернутый анализ всего произведения (о повестях Л. А. Никифоровой Горький в 1909–1910 гг. дал обстоятельные отзывы), но еще и осторожностью. 1 декабря 1934 г. произошло загадочное убийство секретаря ЦК ВКП(б) С. М. Кирова, которое изменило жизнь в СССР и спровоцировало волну политических репрессий, а затем (уже после смерти Горького в июне 1936 г.) состоялось несколько открытых судебных процессов над оппонентами Сталина¹⁷. Очевидно, что политический роман Марка Волгина не понравился Горькому не только своей многословностью, растянутостью и недоработками. Протежирование и тем более издание «политического» романа без редакторской правки, без «соответствующего руководства» могло обернуться для автора-эмигранта и для самого Горького неприятностями. И еще не стоит забывать, что с 1935 г. к советам и рекомендациям Горького партийная верхушка прислушивалась всё реже, но он, не колеблясь, использовал свое политическое влияние для спасения интеллигентов и снятия цензурных запретов [Чони, 2020, с. 237; Спиридонова, 2016, с. 119–217]. Трудно судить о произведении, текст которого недоступен, однако можно предположить, что тема классового боя, затронутая в романе, тема эмиграции и ее разложения, деклассированные герои в том виде, в каком они были выведены в романе юного автора, – требовали «правильной», идеологически верной доработки и редакторской правки. Надо помнить также об изначально предвзятом отношении к рукописям писателей-эмигрантов в Советском союзе, о трудностях с их изданием, о цензурных препонах Главлита и проч. [Блюм, 2003]. Идеологической «чистке» подвергались уже изданные произведения, что уж говорить о рукописи. Время для появления нового политического «остро-агитационного» романа о харбинской эмиграции не пришло.

При всем этом у Горького возникло желание познакомиться с автором лично, о чем свидетельствует приглашение в Москву. Обращает на себя внимание также первое сухое предложение без обращения в письме Горького. Дело в том, что Горький получал всю корреспонденцию через своего секретаря П. П. Крюкова, рукопись романа была передана ему с опозданием, и, как опытный корреспондент, он констатировал факт отсроченного обретения входящей почты.

Горький отправил свое письмо по адресу, указанному в первом письме Л. А. Никифоровой: «Харбин. Пристань. Казачья, д. 43, кв. 8», несмотря на то, что

¹⁶ АГ ИМЛИ РАН. ПГ-рл-28-4-3.

¹⁷ В августе 1936 г. состоялся процесс Зиновьева-Каменева («троцкистско-зиновьевский террористический центр»); в январе 1937 г. – процесс Пятакова-Радека («антисоветский троцкистский центр»); в 1938 г. – процесс над право-троцкистским блоком – третий и самый громкий московский процесс, завершивший разгром оппозиции.

в письме Б. С. Стомонякова было сказано: женщины находятся в Иркутске. Почему так произошло? Видимо, потому что это был единственный точный адрес.

Отправляя письмо в Харбин в конце октября, Горький не знал о судьбе двух пишущих к нему женщин. А судьба их была такова.

23 марта 1935 г. было подписано соглашение об уступке КВЖД Маньчжоу-го, и советские граждане-харбинцы устремились в СССР. Никифоровы, поддержанные генеральным консулом СССР в Харбине М. М. Славуцким, не дождавшись ответа Горького, решили покинуть Харбин и отправиться на родину. Сама Л. А. Никифорова так описала консульскую помощь (в письме Горькому в феврале 1936 г.):

Нас отправили с эшеленом служащих, эвакуирующихся с Китайской дороги, на что мы не имели оснований рассчитывать, так как не состояли на службе дороги. Нам щедро помогли деньгами на уплату неотложных долгов, и вообще отношение к нам консульства было исключительное. Когда я выразила опасение, как же мы будем существовать в чужой среде, без связей, без знакомств, – нас заверяли, что, по прибытии на место, о нас позаботятся организации. Помогут устроить, дадут литературную работу. Ну и мы покатали!¹⁸

Обе женщины в своих письмах Горькому ни словом не обмолвились, что были арестованы 7 октября 1935 г. на станции в Казани и обвинены в антисоветской агитации среди пассажиров и провоз через границу контрреволюционной литературы. Однако через несколько дней дело против них было прекращено за недостаточностью улик¹⁹. 18 октября они приехали в Ленинград и остановились у родственниц (Фонтанка, д. 183, кв. 10), отношения с которыми, судя по письмам, не заладились. Ольга Никифорова после нескольких месяцев напряженного поиска работы устроилась на 147 руб. в бюро газетных вырезок Ленсправки. Журналистскую работу ей найти не удалось: приносимые ею репортажи и материалы для фельетонов отвергались редакциями. Поиск работы в Доме книги, Доме печати, Доме писателей тоже не дали результатов. Видимо, потенциальных работодателей смущало эмигрантское прошлое просительницы. Амбициозно настроенная девушка, жалуясь на отсутствие заработка, в отчаянии писала Горькому:

Все кругом говорят мне шаблонные фразы о том, что нужно бороться, что не следует падать духом. Но как не падать, если практика жизни, экономика, непреклонность факта – загоняют в тупик?!²⁰

И далее в письме Ольга Никифорова требовала от Горького помощи:

Знаю, что не имею права утомлять Вас своими разглагольствованиями, но хочется найти какие-то доводы, попросить Вас сделать некоторое усилие. Ведь в конце концов, Алексей Максимович, в Ваших руках – моя судьба. И разве не естественно желание оборвать цепь дней, полных томительной неизвестности и добиться решающего слова?.. <...> И теперь, когда жизнь стала «великим непрерывным чудом», – неужели кусочек этого «чуда» не достанется и на мою долю? А кусочек

¹⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-17.

¹⁹ Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index14.htm> (дата обращения 19.11.2021).

²⁰ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-4.

этот я понимаю, как жизнь на любимой земле и занятие любимым трудом, хотя бы в самом скромном размере... И кусочек этот – дайте его мне!²¹

Как относиться к такому крику души? С одной стороны, требовательность автора письма можно понять и объяснить. Выросшая в эмиграции, далекая от советской реальности, идеалистически мыслящая, увлеченная литературным творчеством девушка стремилась в СССР, ожидая, что родина примет ее в свои объятия. Однако жизнь распорядилась по-другому, и реальность не совпадала с ожиданиями Марка Волгина.

Бесконечно загруженный организационно-редакторской работой Горький получал не все входящие к нему письма, содержание которых перлюстрировалось. Кроме этого, полноценной переписки с Никифоровыми не получалось: письма не достигали адресатов.

Подозревая, что письма до писателя не доходят, О. Никифорова продолжала писать Горькому, напоминая о себе, интересуясь судьбой рукописи и желая получить отзыв. Сохранились в Архиве ее письма от 3 и 30 ноября; 14, 18, 22 и 28 декабря 1935 г.²²

18 декабря 1935 г. она напоминала Горькому, ради чего вернулась в СССР:

Из-за этого романа я сюда приехала, бодро терплю тысячи лишений, жду и надеюсь. Моя судьба в Ваших руках, Алексей Максимович, чувствую и провижу так ясно²³.

На письме от 22 декабря 1935 г., в котором есть такие строки: «Жизнь еще манит многими возможностями, манит прочно вросшей в сознание формулой счастья “любимый труд на любимой земле”. Ведь я так счастлива, находясь здесь, и так больно чувствовать себя не втянутой в жизнь, не имеющей в ней части», – сохранилась секретарская помета: «ОТВЕЧЕНО 27/ХІІ 35»²⁴. Однако ответное письмо в Архиве Горького отсутствует.

28 декабря 1935 г. О. Никифорова снова пишет Горькому, повторяя тезисы предыдущих писем:

Из-за него же (романа «Эмигранты». – Е. К.) мы с матерью приехали сюда. Своими глазами узрели эту новую жизнь-сказку, к которой у меня нет способов приобщиться, окунувшись в неё с головой.

Если я росла в условиях зарубежного быта, то что-то, какое-то духовное упрямство помогли мне сохранить себя русской. И Вы не можете себе представить, Алексей Максимович, с каким нетерпением, с какой горячностью я рвалась сюда. Жить на русской земле, переживающей теперь такое чудо – это половина полного счастья, как я себе его представляю. А другая половина – это любимый труд. <...> И формула счастья слагается для меня из двух членов «любимый труд на любимой земле», – кроме этого я ничего не жду и не желаю от жизни²⁵.

Ольга Никифорова из письма в письмо повторяет одну и ту же фразу: «любимый труд на любимой земле», – она прочно вошла в ее сознание и стала формулой,

²¹ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/б-43-22-4.

²² Там же. КГ-нп/б-43-22-2, 3, 4, 5, 6, 7.

²³ Там же. КГ-нп/б-43-22-5.

²⁴ Там же. КГ-нп(б)-43-22-6.

²⁵ Там же. КГ-нп/б-43-22-7.

смыслом жизни. В состоянии психологического напряжения, неведения и даже страха перед будущим Никифорова пытается убедить себя и читающего в том, что она сделала правильный шаг – приехала в СССР, на родину с одной целью – работать. И единственный, вполне логичный, выход из тупика – это устройство на работу с помощью «великого и могучего» Алексея Максимовича.

В этом же письме она писала о влиянии Горького на становление ее как писателя:

Вы, Алексей Максимович, с ранних лет были моим духовным вождем и авторитетом. Когда я писала «Эмигрантов», я часто корректировала целые страницы четкими штрихами Вашего мирозерцания. И если бы я смела, я бы посвятила Вам свой первый большой труд²⁶.

Искренними были эти слова? Или вынужденным преклонением перед авторитетом учителя?

Так и не получив ответа ни на одно свое письмо, она продолжила писать Горькому и его секретарю П. П. Крючкову в начале 1936 г.

В феврале 1936 г. ее мать, Л. А. Никифорова, снова интересуется судьбой рукописи у Горького, повторяя в письме историю возвращения в Союз:

Сюда мы приехали по настоянию ген<ерального> к<онсу>ла Д<ального> В<остока> – Славучкого, который заинтересовался романом и при личной аудиенции наговорил моей дочери столько лестного, что у нее совсем закружилась голова, – да и не мудрено в 26 лет! Говорил о переработке его для кино и убеждал ехать сюда, в Сов<етский> Союз, так как талантливые люди должны жить и работать в родной стране, все способности отдавать ей²⁷.

Приходится констатировать, что вернувшиеся на родину эмигрантки столкнулись с предвзятым и даже подозрительным отношением к себе, с непреодолимыми материальными трудностями и, к сожалению, не чувствовали себя нужными родной стране. Очевидно, что, несмотря на проявляемые автором романа «Эмигранты» безупречные лояльность и преданность, ее произведение, если принять терминологию А. В. Блюма [2003, с. 13], всё равно попадало под два основных типа запретов: «персонифицированный» (автор – эмигрант) и «содержательный» (политический, а значит, подозрительный, роман), – и не могло быть напечатано.

Догадываясь о том, что Горький очень занят, уже зная через секретаря П. П. Крючкова, что все ее 8 писем и рукопись получены Горьким, и не дождавись ответа, О. Никифорова, снова пишет писателю 6 марта 1936 г. пространное письмо, в котором жалуется на судьбу:

...я живу у родственниц. Это две старых девы, озлобленные, капризные, которые держат меня в рабском подчинении. Нужно ложиться спать в 9 часов, гасить огонь. Нельзя ни читать, ни курить, ни разговаривать. Если бы еще это было неделю, две... а то это грозит тянуться бесконечно.

Вижу, как Вы хмурите брови и думаете:

– Я-то при чём? Что я могу сделать?

Алексей Максимович, если я буду знать, что роман Вы одобрили, что он будет напечатан, – мне легче жить и терпеть. Тогда я на многое смогу смотреть даже

²⁶ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-7.

²⁷ Там же. КГ-п-53-18-17.

юмористически. Затем, если вопрос будет решен принципиально, то можно будет просить Вас ускорить это. Ведь Ваше слово значит бесконечно много. Оно может открыть мне те двери, куда я стучалась в поисках работы, сможет создать сколько-нибудь сносные условия, чтобы продолжать ту работу, которая мне безмерно дорога²⁸.

И наконец, в заключение письма она пишет слова, которые Горький при чтении подчеркивает красным карандашом:

...я... не должна была бы состоять буквально в рабстве в той стране, где строится жизнь на основах свободы²⁹.

Горький получил и прочитал все письма Никифоровых. Он (или его секретарь) дали «решающий ответ», после получения которого О. Никифорова просила вернуть ей рукопись, что и было сделано 8 апреля 1936 г.³⁰ О содержании «решающего» письма мы можем только догадываться. Переписка с Никифоровыми прекратилась. 18 июня 1936 г. Горького не стало.

Письма начинающей писательницы Горькому, пишущей под псевдонимом Марк Волгин, дают представление о ее личности. Настойчивая девушка со сложным характером Ольга Никифорова, отличающаяся юношеским максимализмом, импульсивностью, экспрессией, даже неуживчивостью и высокомерием, возлагала на писателя слишком большие надежды, которым не суждено было сбыться. Так, не начавшись, закончилась писательская история Марка Волгина.

Примечательно, как менялся характер писем Ольги Никифоровой Горькому, их тон и качество бумаги, на которой они были написаны. Если первые письма (многословные, экспрессивные) написаны на больших плотных линованных листах бумаги, то последние были более чем скромными и по содержанию, и по тону (то льстивому, то раздражительному). Это объясняется и бедностью, и неопределенностью, и изменившимся отношением юного автора к маститому писателю.

Дальнейшая судьба Ольги Никифоровой теперь известна. Она была арестована в Ленинграде 19 декабря 1936 г., осуждена Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР 31 мая 1937 г. (по иронии судьбы, ровно через два года после того, как ее мать написала письмо Горькому), обвинена в шпионаже и приговорена к 5 годам лишения свободы³¹. 22 июня 1937 г. из ленинградской тюрьмы ее перевели в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Коми), и 1 февраля 1940 г.

²⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-8.

²⁹ Там же.

³⁰ АГ ИМЛИ РАН. КК-рл-11-21-1; КГ-нп/6-43-22-9.

³¹ В оперативном приказе НКВД СССР от 20 сентября 1937 г. № 00593 – об операции по репрессированию «харбинцев» – бывших служащих Китайско-Восточной ж.д. и реэмигрантов Манчжоу-Го – утверждалось, что выехавшие в СССР харбинцы в подавляющем большинстве в прошлом являлись белыми офицерами, участниками различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и в большинстве своем принадлежали к агентуре японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в СССР для террористической, диверсионной и шпионской деятельности (ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 389. Л. 160–169).

она умерла³². Что стало с ее матерью, неизвестно: сведения о ней обрываются в 1939 г.

Занятый писательской, редакторской, организационной работой Горький, находящийся в конце жизни под пристальным вниманием своего секретаря и спецслужб, старался найти время и ответить всем своим корреспондентам. К сожалению, отзыв Горького, пришедший слишком поздно, и сам Горький, скончавшийся в июне 1936 г., не помогли ни Марку Волгину, ни Ольге Никифоровой. Знакомство с Горьким и его рекомендации не давали в 1936–1937 гг. гарантии безопасности. И теперь мы вряд ли найдем ответ на вопрос: политический ли роман Марка Волгина с табуированными темами, письма ли Горькому, в которых были высказаны «крамольные» мысли, сыграли роковую роль в судьбе молодого автора или иные обстоятельства стали причиной ареста и гибели.

Список литературы

Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.

Горький А. М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 7: Письма (конец августа 1908–1909) / Отв. ред. И. А. Ревякина. 624 с.; Т. 8: Письма (1910–1911) / Отв. ред. Л. Н. Смирнова. 607 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Под ред. Б. П. Козьмина. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956. Т. 1. 442 с.

Славуцкая А. М. Всё, что было...: Записки дочери дипломата. М.: Книга и бизнес, 2002. 189 с.

Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е изд. Н. Новгород: Бегемот НН, 2016. 384 с.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 719 с.

Хисамутдинов А. А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: Материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2017. С. 95–138.

Чони П. Горький – политик. СПб.: Алетейя, 2020. 274 с.

Список архивов

АГ ИМЛИ РАН – Архив Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва, Россия)

³² Жертвы политического террора в СССР. Книга памяти Республики Коми. Т. 8, ч. 3. URL: <https://base.memo.ru/person/show/403883> (дата обращения 19.11.2021).

References

- Blyum A. V. Zapreshchennye knigi russkikh pisateley i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoy tsenzury s kommentariyami. St. Petersburg, 2003, 404 p. (in Russ.)
- Choni P. Gor'kiy – politik. St. Petersburg, Aleteyya, 2020, 274 p. (in Russ.)
- Gorky A. M. Polnoe sobranie sochineniy: Pis'ma. In 24 vols. Moscow, Nauka, 2001, vol. 7: Pis'ma (1908–1909). Ed. by I. A. Revyakina, 624 p.; vol. 8: Pis'ma (1910–1911). Ed. by L. N. Smirnova, 607 p. (in Russ.)
- Khisamutdinov A. A. Literaturnye psevdonimy russkikh emigrantov v Kitae: Materialy k spravochniku. In: Zabayko A. A., Efendieva G. V. (eds.). Russkiy Kharbin, zapchatlenny v slove. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2017, pp. 95–138. (in Russ.)
- Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley. In 4 vols. Ed. by B. P. Kozmin. Moscow, Vsesoyuz. kn. palata Press, 1956, vol. 1, 442 p. (in Russ.)
- Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley. 1934. Stenograficheskiy otchet. Moscow, GIKhL Publ., 1934, 719 p. (in Russ.)
- Slavutskaya A. M. Vse, chto bylo...: Zapiski docheri diplomata. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2002, 189 p. (in Russ.)
- Spiridonova L. A. Nastoyashchiy Gor'kiy: mify i real'nost'. 2 nd ed. Nizhniy Novgorod, Begemot NN Publ., 2016, 384 p. (in Russ.)

List of Archives

- Archive of the Gorky of the Institute of World Literature named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Информация об авторе

Елена Викторовна Кудрина, кандидат филологических наук

Information about the Author

Elena V. Kudrina, Candidate of Sciences (Philology)